

Новый (старый?) орган на старый новый год

В Филармонии зазвучал орган. Событие приурочено к завершению двух-летнего российско-немецкого «диалога культур». Первая публичная демонстрация звучания инструмента происходила в присутствии двух Президентов, что придавало событию статус политического. Проект органа филармонии осуществлен немецкой органостроительной фирмой «Клайс» на деньги немецкого же правительства. Проект весьма затратный: помимо 1.300.000 евро собственно на орган, были необходимы расходы на проезд группы специалистов из Германии, оплату мастер-классов, проведение симпозиума, выпуск специального компакт диска и юбилейного буклета. Таков дорогой подарок Германии к 300-летию Петербурга.

Каков же нынешний орган филармонии? На церемонии открытия инструмента г-н Ф. Клайс сообщил, что главная идея проекта — это дань памяти выдающемуся немецкому мастеру-строителю органов Валькеру, который построил для России около 200 органов. К их числу принадлежит и орган, находившийся на сцене Ленинградской филармонии в 1931 – 1972 гг. Идея строительства органа-памятника потребовала соблюдения законов избранного жанра: монументальности архитектурных форм и максимального приближения к звуковому идеалу Валькера. Первое условие не вызвало затруднений. Воздушный декадентский органный проспект начала 1900-х, еще не забытый ленинградцами и легко узнаваемый на многочисленных фотографиях, был увеличен до исполинских размеров и отныне доминирует на сцене Большого зала Филармонии. Сложнее оказалось со вторым условием, то есть с «реконструкцией» старого валькеревского органа. Для того, чтобы построить вновь задуманный экспертами «старый-новый» орган, нужна серьезная документальная база. Была ли она доступна реставраторам?

Г-н Клайс ссылается лишь на один конкретный документ — «исторический эскиз органа» Валькера, а также на исторические фотографии. В буклете упоминаются и хранившиеся в архиве Валькера документы, и отдельные сведения, полученные от известного органного мастера Филармонии Ю.С. Пронцкетиса (например, о 2-х швеллерах в старом органе). Однако, судя по всему, этими сведениями об историческом органе и ограничились. (Насколько нам известно, архив фирмы «Валькер», ввиду проведения процедуры банкротства, в настоящее время находится под арестом и поэтому недоступен.) Обследовав аналоги, фирма Клайс решила использовать от каждого из иностранных органов Валькера что-либо характерное, особенное, конструктивно оригинальное, что, возможно, Валькер мог бы применить и в Петербурге, если бы не 1-я мировая война. Так, от органа в Мюнхене в

филармонический орган привнесен швеллер для регистров 2-го мануала; от органа в Сан-Себастьяне — механическая игровая трактура, переходящая в пневматическую. *Principal 16'* первого мануала появился вместо *Bordun 16'*, как в органах Варшавы, Штутгарта, Граца, Барселоны, Гамбурга, Берлина и Мюнхена. Аналогичным образом в органе добавились *Mixtur* на 2-м мануале, *Sesquialtera* и *Basson 16'* на 3-м мануале, *Trompete 8'* и *Grand Bourdon 32'* в педали. Диапазон мануалов увеличен. Орган оснащен компьютером.

Такой подход к реконструкции памятника музыкальной культуры выглядит странно для Петербурга, где традиционно сильна школа реставрации. Такой подход определенно противоречит, например, Венецианской Международной хартии по консервации и реставрации памятников (1964 г.), которая декларирует: «Реставрация должна являться исключительной мерой. Ее цель — сохранение и выявление исторических и эстетических ценностей памятника... Реставрация прекращается там, где начинается гипотеза; что же касается предположительного восстановления, то любая работа по дополнению... будет неизбежно нести признаки нашего времени» (§ 9). И далее: «Наслоения разных эпох, привнесенные в архитектуру памятника, должны быть сохранены, поскольку единство стиля не является целью реставрации» (§ 11).

Авторы концепции нового инструмента придерживались иных взглядов. С их точки зрения, мысль построить орган *в духе* органостроительных идей и новаций Валькера, отразившихся в ряде его работ 1900-х — 1910-х гг., орган *собираемый*, а значит — достаточно условный орган-памятник *вообще*, а не конкретный орган *Ленинградской филармонии*, вполне допустима, поскольку концепция звучащего *памятника* предполагает обобщенный, многомерный образ инструмента. Впрочем, решение о том, каким должен стать возобновленный орган филармонии, согласовывалось и принималось экспертами с обеих сторон.

Странно, что группа экспертов, кажется, не обратила внимания на причину, по которой первоначальный орган Большого зала стал маломощным. Напомним, что этот орган, строго говоря, *не был концертным* в современном понимании. Орган Валькера опус 1100 (1903 г.) предназначался для целей врачевания в Гинекологическом институте (клинике Отта): роженицы, пациентки доктора Отта, в определенные часы слушали орган, в основном, по телефону. Регистровка органа, как и исполняемый репертуар, подбирались соответственно этой задаче. Звук инструмента рассеивался в 400-местном Актовом зале Института — против 1300 зрительских мест в Большом зале Филармонии.

Кроме того, начиная с 1936 г. орган размещался большей частью за сценой. Гастролировавшие в Ленинграде органисты (в том числе знаменитые Флор Пеетерс, Пьер Кошро, супруги Мари-Мадлен и Морис Дюруфле) отмечали, что инструмент звучал глухо и вязко. Это был главный недостаток старого органа, после того, как его «утопили» в стене.

Причиной заказа нового концертного органа Ленинградской филармонией в 1972 году было не только удручающее техническое состояние инструмента, но и естественное желание наполнить зал звучанием органа. При этом орган должен был оставаться на прежнем месте — за сценой, в камере. Выполняя волю Филармонии, чешские мастера с фирмы «Ригер-Клосс», сохранив в основе своего инструмента старый валькерровский орган, не только значительно расширили, но и перекомпоновали орган. Теперь регистры 2-го мануала находились практически на сцене, за декоративной решеткой. Регистры 3-го мануала располагались сразу за большими фасадными трубами органного проспекта. Такое инженерно-акустическое решение значительно высветлило звучание органа, придало ему объем и полноту. Высококласная интонировка Яна Костера позволила гармонично совместить в органе фабрики «Ригер-Клосс» старые валькерровские регистры с новыми, добавленными при расширении органа. Такой принцип был рекомендован для последующих реконструкций старых инструментов Органным советом при Министерстве культуры СССР в 1972 году. (В Совет входили авторитетные органисты-виртуозы Ленинграда, Москвы и Прибалтики.) Более 30 лет орган филармонии по праву считался самым блестящим, разноплановым и мощным концертным органом Ленинграда.

В 2004-м году немецкая фирма «Клайс» предложила свой путь. Орган, по условиям контракта, оставался в камере за сценой, но теперь он еще больше углубился в нее. Регистры 2-го мануала, помещенные ныне в швеллерном ящике и находящиеся в глубине корпуса, в зале звучат, скорее, как тень звука, нежели сам звук. Безусловно, исследования проведены специалистами фирмы «Клайс» тщательно, инженерно-технические решения интересны, эстетические поиски «чистоты стиля» заслуживают внимания. Правда, все это не дает ожидаемого звучащего результата. Возникает вопрос — не к специалистам фирмы «Клайс», а, скорее, к консультантам Филармонии — вопрос о репертуаре, который можно (или невозможно) будет исполнять на этом quasi-валькерровском органе. А ведь это основа филармонических программ: старые мастера, Бах, Франк, современные органные композиции.

Первые слушательские впечатления от нового филармонического органа (в соло, в аккомпанементе певцам, хору и оркестру) таковы: наша филармония получила самый большой, самый современный и самый тихий орган города. Четыре *piano* органа производят сильный художественный эффект, будучи едва слышными, таинственными. Но в *forte* и в *tutti* мощи его, необходимой любому концертному органу и столь импонирующей слушателю, явно недостаточно. Сегодня на органном концерте в Большом зале стало интереснее *наблюдать* за органистом и его действиями, чем слушать, или, точнее, прислушиваться. Что ж, наверное, это соответствует главной идее старого-нового органа — идее мемориального приношения Валькеру. А в подобных случаях принято говорить почтительно и вполголоса.